

18+

КЕША ЗАХАРЕНКОВ

Инокентий едет в деревню

СКАЗОЧНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДАУШИФТЕРА



Кеша Захаренков
Иннокентий едет в деревню

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Захаренков К.

Иннокентий едет в деревню / К. Захаренков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Переезд молодого программиста в деревню оборачивается несчастьем не только для него самого, но и для всего местного населения. Сможет ли герой преодолеть трудности, восстановить былой порядок и стать своим в деревне? Оформление обложки Натальи Костуновой. В оформлении использованы фотографии из архива автора произведения.

Содержание

Часть 0	6
0.1. Семь ночей. Первая ночь	6
0.1.0. Великий крысолов	6
0.2. Семь ночей. Вторая ночь	7
0.2.0. Мать-и-мачеха	7
0.2.1. Бабушкин сапог	7
0.3. Семь ночей. Третья ночь	8
0.3.0. Мои подозрения тонут в луже	8
0.3.1. Боевая рана	8
0.4. Семь ночей. Четвертая ночь	10
0.4.0. Дерьмо на окнах	10
0.4.1. Капканы	10
0.4.2. Записки на зеркалах	10
0.4.3. Спокойного сна	11
0.5. Семь ночей. Пятая ночь	12
0.5.0. Дыры в заборе	12
0.5.1. Неправильный компаньон	12
0.6. Семь ночей. Шестая ночь	13
0.6.0. Кабак у Сергея	13
0.6.1. Колтуны в гриве	13
0.6.2. Необычное обстоятельство	14
0.7. Семь ночей. Седьмая ночь	15
0.7.0. Озарение	15
0.7.1. Вынужденное спокойствие	15
0.7.2. Ночной гость	16
0.0. Дауншифтинг	17
0.0.0. Всем собакам собаки	17
0.0.1. Бесплезный ключ	17
0.0.2. Руки вверх	18
0.0.3. Мужик в розовом синтепоне	19
0.0.4. Учет нового имущества	19
0.0.5. Уроки выживания в диких условиях	20
0.0.6. Возвращенцы	20
Часть 1	22
1.0. Сумасшедшее пивопитие	22
1.0.0. Кролик знает, кто меня подставил	22
1.0.1. Чудик тоже кое-что слышал	22
1.0.2. Красная шапочка в день Марса	23
1.0.3. Ответ на вопросы	24
1.0.4. Кроличья нора	24
1.1. Засада	26
1.1.0. Лови его	26
1.1.1. Мольба Лизетт	27
1.2. На поиски Кролика	28
1.2.0. Ключ от Пещеры	28
1.2.1. Жалостливый кавалер	29

1.2.2. Замок Высокого Папы	29
1.2.3. Добрый знак	30
1.2.4. Дама сердца	30
1.2.5. Все сходится	30
1.2.6. Яблочный шифр	31
1.2.7. Щи	31
1.3. Идиотское положение	33
1.3.0. Клуб	33
1.3.1. Лисенок в поле	33
1.3.2. Эй	34
1.3.3. Алиса из Солнечного поселка	34
1.3.4. Грабеж	35
1.3.5. Дурацкая идея	35
1.4. Вслед за кошкой	37
1.4.0. Кролик уходит от ответа	37
1.4.1. Поиски кошки	38
1.4.2. Дикая роща	40
1.4.3. Чудо	40
1.4.4. Книги в подвале	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть 0

0.1. Семь ночей. Первая ночь

0.1.0. Великий крысолов

В первых рядах – свирепые взрослые особи; во вторых – отчаянные, держащие нос по ветру крысята. Смотрят из темноты, щетинят шкуры. Того и гляди набросятся. Воздадут за разложенный яд, проконопаченные в полу и стенах дыры.

Еще вчера я замечал в доме мелькающие тени, чувствовал злые взгляды, слышал, как точатся зубы в надежде мне отомстить. А сегодня крысы рвутся в бой. Громоподобно бьют в барабаны, отдают приказ о наступлении.

Не успев толком проснуться, я сел и схватил кастрюлю. Алюминиевую кастрюлю с ложкой внутри, что держал на тумбочке возле кровати. Свет на крыс давно не действовал, другое дело – звук.

Надеясь, что животных отпугнет лязганье металла о металл, я заколотил по кастрюле ложкой. И, чем отчаяннее гремел посудой, тем быстрее приходил в себя. «Крысы не бьют в барабаны, – понял я. – В барабаны бьют люди».

Я замер и прислушался. Стучали в дверь на крыльце. Колотили что есть мочи.

Включил свет, нашарил ногами тапки. Стук прекратился.

Вышел в сени и открыл дверь.

На улице было темно, стрекотали сверчки.

– Эй, – крикнул я. Но никто не отозвался.

Я постоял на крыльце, взглядываясь в темноту, потом вернулся в дом и лег.

Это была первая из семи ночей – недели, лишившей меня покоя.

0.2. Семь ночей. Вторая ночь

0.2.0. Мать-и-мачеха

Я решил, что стук мне приснился, и забыл о ночном происшествии. Не придавал ему значения, о чем потом долго раскаивался.

Утром я навел порядок среди инструментов. Нашел ржавые вилы и топор. Вытащил из сарая велосипед. Отрегулировал седло, поправил цепь и прокатился по округе.

С тех пор как я приехал, заметно потеплело. Снег еще лежал на земле, но по обочинам расплывшейся дороги, на склонах канав зацвела мать-и-мачеха.

Деревня Шахматная была небольшая, домов сорок. Некоторые пустовали в ожидании майских праздников.

– Скоро будут, – неодобрительно качала головой Анна Павловна. – Дачники эти. Садить будут.

В соседнем, Солнечном, поселке дворов было больше. Я доехал до магазина и купил хлеб и рыбные консервы.

– Что там с пивом? – заговорщицки спросил продавец.

Я пожал плечами. Первый раз о пиве упомянула Анна Павловна, затем заговорил Кролик:

– Попробуй, приятель, – суетился он. – Тебе это прямо очень нужно!

Пиво было замечательное. Мягкое, с медовым вкусом и ароматом. Такой мед я ел в детстве. Когда дедушка был жив и разводил пчел.

– Откуда оно? – спросил я.

Кролик хитро подмигнул.

– По вкусу похоже на персики, – сказал он. – Батя раньше привозил персики, из командировок. Вот вкус у них такой же, никогда не забуду.

Продавец хлеба и рыбных консервов сверлил меня взглядом, но я действительно не знал, что там с пивом.

– Ну-ну, – обиделся он. И я подумал: «А что там с пивом?»

0.2.1. Бабушкин сапог

Не успел я заснуть, как услышал громкий стук. Барабанили не только в дверь, но и в окна. Грохот стоял такой, что крыс было не слышно.

Памятуя о прошлой ночи, свет я включать не стал. Влез в холодные тапки и подбежал к одному из окон. Осторожно отодвинул тюль. Ночь была безлунная, и, как я ни вглядывался в темноту, никого не увидел.

Стук не прекращался, я занервничал. Заметался по дому в поисках оружия. Ни дедушкиного ружья, ни моего меча самурайского. Одни ржавые вилы, и то в сарае.

Я вышел в сени, споткнулся о грязный бабушкин сапог.

«Лучше, чем ничего», – подумал я.

Взяв сапог в руки, почувствовал себя увереннее. Откинул крючок и резко распахнул дверь.

Никого. За дверями опять никого не было.

0.3. Семь ночей. Третья ночь

0.3.0. Мои подозрения тонут в луже

– Кролик!
– Че? – он сидел на корточках возле мотоцикла и закручивал болт.
Мотоцикл достался Кролику по наследству от отца. Единственная стоящая вещь, которую тот не пропил.
– А дети у вас тут какие?
– Дети? – переспросил Кролик. – Какие дети?
– Ну, деревенские дети. Не болтаются они у вас... по чужим дворам?
Кролик встал на ноги и вытер руки о грязную тряпку.
– Пропало чего? – хитро улыбнулся он.
Этого я не знал. Может, и пропало.
– Кто-то под окнами ходит. По ночам.
Я был уверен, что это розыгрыш, и выглядеть глупо не хотел. Может, это сам Кролик и ходит. Барабанит по моей двери, а потом смеется.
– Может, дети? – предположил я. – Мальчишка соседский или еще кто?
– Ленька-то? – удивился Кролик. Потом подумал и кивнул: – Может, и Ленька.
Мы уставились на дом Анны Павловны.
– Ну, припугни его, – Кролик потерял интерес к истории и опять опустился на корточки возле мотоцикла.
– Припугну, – сказал я, но уверен не был. – Слушай, я тут давно хотел спросить.
Кролик молчал.
– Помнишь, мы пиво пили?
– Ну, – неохотно буркнул Кролик.
Мимо нас прошел Ленька.
– Легок на помине, – сказал Кролик, усмехаясь. – Слышь, пацан!
Ленька был один. Он всегда был один.
– Это не Ленька, – сообразил я.
– Почему?
– У него друзей нет.
Соседский мальчишка с детьми не ладил. Он ни с кем не здоровался и сидел в отдельной луже. Ленька не принимал участие в набеге на мой дом. И сам его не организовывал, потому что не мог стучать в дверь и окна одновременно.

0.3.1. Боевая рана

Проснулся я от стука около трех.
За окном была темнота. В голове – шум от выпитого.
– Уроды! – заорал я.
На секунду стук прекратился, а затем начался с новой силой.
Я рассмеялся. Натыкаясь на предметы обстановки и дверные косяки, вышел в сени и открыл дверь. Никого.
Не надевая сапоги, переступил порог и оказался на улице.
– Слышите вы! – позвал я.

В голову пришла блестящая мысль. Я закрыл снаружи дверь и сам заколотил по ней кулаками.

– Слышите, а? – от смеха сгибался пополам и еле выговаривал слова.

Стука в дверь показалось мало. Я подбежал к окну на веранде. Ударил по нему так, что стекла задребезжали. Понял, что перестарался, но снова стукнул. Стекло разбилось.

Почувствовав резкую боль в руке, я протрезвел и обиделся.

Чтобы разглядеть рану, взбежал на крыльцо и включил свет. Кровь капала на пол.

– Доигрались, сволочи? – крикнул я в темноту.

Закрыл дверь и пошел промывать руку.

«Ну уж в следующую ночь буду готов! – распалялся я. – Вот вы у меня получите!»

0.4. Семь ночей. Четвертая ночь

0.4.0. Дерьмо на окнах

«Как их отвадить? – гадал я, собирая осколки стекла на веранде. – Что бы такое придумать? Битое стекло насыпать?»

Я посмотрел на перевязанную руку.

«Обмазать дверь и окна? Но чем? Дерьмом?»

Или под окнами раскидать?

Но ведь это мой дом! Почему я должен мазать его собственным дерьмом?

Может, коровьей лепешкой?»

0.4.1. Капканы

– Есть ли у вас капканы? – спросил я, осматривая витрину магазина в Солнечном поселке.

– На медведей?

– На людей.

Продавец хлеба и рыбных консервов с неодобрением посмотрел на мою забинтованную руку.

– Иди отсюда, – сказал он.

– А если не уйду?

Продавец пожал плечами.

– Капканов нет, есть мышеловки.

– Дайте две, – сказал я.

0.4.2. Записки на зеркалах

Ближайший охотничий магазин, по уверениям продавца мышеловок, находился в десяти километрах.

– Там же и вокзал, – сказал он. – Садись на поезд и езжай отсюда.

Вместо этого я пошел к Кролику.

– Пил один? – глядя на мой разбитый кулак, спросил он. – С друзьями надо делиться.

Кролик сидел на лавке у своего дома и пил волшебное пиво со вкусом персиков.

– До станции не довезешь?

– Зачем тебе?

– В охотничий магазин. Знаешь, где?

Кролику не хотелось ехать. Он посмотрел на мотоцикл, потом на меня:

– Зачем?

Я снова вообразил, как Кролик, прячась в кустах возле моего дома, зажимает рот руками, чтобы не расхохотаться во все горло. Любой местный житель может быть замешан в деле.

– Ладно, – начал я. И все рассказал.

Первым делом Кролик расхохотался во все горло.

– Ты как в фильмах, что я по телику смотрю. Дом с привидениями.

Он смеялся, но зло.

– В двери стучат, в окна. А на зеркале они пишут?

Я нахмурился.

– Может, срут в твоём сортире?

– Ладно, – сказал я, вспомнив, как туго у местных с деньгами и работой, – а за тысячу рублей?

Через три часа я расставлял капканы под окнами дома. А еще через час – убирал. Испугался, что ловушки кому-нибудь навредят.

0.4.3. Спокойного сна

«Надо было калитку запирасть, – сообразил я, третий час сидя в засаде. – Запер калитку – спи спокойно».

В руках я держал ржавые вилы, но предпочел бы самурайский меч. Как эффектно с ним наперевес было бы выпрыгнуть из сарая, чтобы дать отпор противникам!

Я вздохнул. Кто они, эти противники? Кому понадобилось каждую ночь стучать в двери моего дома? Неужели больше заняться нечем?!

«Ну вот где они, спрашивается? Сколько можно ждать?!»

Я прислушался. На улице шел дождь.

«На веранде уже лужа», – вспомнил я о разбитом прошлой ночью окне.

Мне не терпелось выгнать супостатов со своего участка, но они не приходили.

«Может, видели, что капканы расставлял? Или дождь спугнул?»

Я прождал до пяти утра, а потом пошел спать.

«А может, испугались? Видели, как я стекла бью, и больше не придут?» – поспешил я обрадоваться.

Но не тут-то было.

0.5. Семь ночей. Пятая ночь

0.5.0. Дыры в заборе

Наутро я обошел усадьбу по периметру.

Бабушкино владение насчитывало полтора гектара земли. Большую часть занимал участок, огороженный новым, выкрашенным в белый цвет, забором. Что выращивала здесь бабушка, я понятия не имел.

Дом, огород и сад имели менее надежную защиту. Запор на калитке не остановил бы ночных хулиганов, они легко могли проникнуть на участок через дыры в заборе. Досок не хватало: некоторые сгнили, часть была сломана.

Забор нуждался в ремонте, и работа предстояла большая. Найти дерево, прибить, где-то выровнять, покрасить.

«Жаль, что интернета нет», – подумал я. И пошел к Анне Павловне.

– Забор-то? – спросила она. – Куры, что ли, бегают?

– Наверное, – сказал я. – Куры.

– Ну. Дешевше колышки вбить. Лес вон у нас тут, под боком.

– А доски?

– За доски уплатить нужно, – сказала Анна Павловна.

– А сколько?

– Ой, много! – замахала руками соседка.

Более полной информации я бы не нашел и в интернете.

Я взял из сарая топор и пошел в лес. Но по дороге передумал и вернулся домой.

Меня охватила беспричинная паника. Я представил, как ночью снова сижу в карауле. Как дурак сжав вилы обеими руками. Всматриваюсь в темноту. Вслушиваюсь в тишину.

Нужно было переменить тактику.

0.5.1. Неправильный компаньон

Подготовился я основательно. Поставил на стол несколько купленных в продуктовой машине бутылок с водкой, нарезал колбасу, взял у Анны Павловны соленые огурцы.

Кролик пришел уже поддатый.

– Не бойсь, приятель, щас всех поймаем, – заверил он, протягивая руку к бутылке.

Под стол Кролик рухнул раньше, чем я выпил третью стопку. На часах и десяти вечера не было.

Я остался один и, думая, что неправильно выбрал компаньона, догонял друга.

– Мы должны охранять дом, – твердил я, наливая и опустошая стопки одну за другой.

Кролик согласно кивал под столом, и я слышал стук его затылка об пол.

– Как мы сможем кого-нибудь поймать?! – сокрушался я.

Но в ту ночь никто не пришел. Ловить было некому. Но и некого.

Казалось, можно бы успокоиться: две ночи подряд никто не приходил. Что мне еще надо?!

Но я волновался. На душе было беспокойно. Я нутром чувствовал, готовится что-то серьезное. Что-то серьезнее стука в дверь.

0.6. Семь ночей. Шестая ночь

0.6.0. Кабак у Сергея

– Пошли в Пещеру, – сказал с утра Кролик, – надо опохмелиться, а ты все выжрал. Пещерой деревенские называли кабак, который держал Сергей. Там было темно, сыро и пахло плесенью.

По дороге я вспомнил, что в городе пару раз заходил в бар «У Марины», который располагался напротив бара «У Сергея».

– Они составляли друг другу нездоровую конкуренцию, – рассказывал я Кролику.

– Почему? – спросил он.

– Потому что девочки шли в бар «У Сергея», а мальчики – в бар «У Марины».

Кролик ухмыльнулся.

– Не помню, кто из них закрылся раньше, но сейчас...

– Чего там? – перебил Кролик.

Из Пещеры раздавались возмущенные голоса.

Посетители, перекрикивая друг друга, заметили нас не сразу. Но, заметив, замолчали.

– Чего у вас? – спросил Кролик. Я сел за столик у входа, а он прошел к стойке бара.

– Телегу увели, – неохотно проговорил дед, живущий на окраине деревни. – У Толика.

– Увели? Правда? – улыбаясь, спросил Кролик.

– Увели! – подтвердил старожил и председатель деревни Зиновий Аркадьевич. – Только не знаем, кто.

И уставился на меня.

– Кражи бывают, – строго сказал Сергей.

Высокий Папа, мужик в грязно-розовой синтепоновой куртке, наклонился к Зиновию Аркадьевичу и что-то прошептал ему на ухо. Старожил кивнул.

– Часто-то часто, но по мелочи. Телег не воровали, – Зиновий Аркадьевич не спускал с меня глаз.

– С красной попоной и подушками, – встрял дед.

– Помнишь, как дядя Паша запаску твою пропил? – рассмеялся Кролик. – Прямо из-под носа стащил.

Старожил нахмурился.

– О подвигах дяди Паши, – парировал вместо него дед, – давненько не слышно. А телегу кто-то увел.

В кабаке повисла тишина. Чувствуя, что на меня смотрит не только Зиновий Аркадьевич, но и остальные, я опустил голову. Я понимал, что новичок, и в первую очередь подозрения падут на меня. Но я не воровал, отчего бы мне беспокоиться?!

0.6.1. Колтуны в гриве

Проснулся я засветло. От негромкого лошадиного ржания.

Я выбежал на улицу. В голове навязчиво билось: «Сколько можно-то, а? Ну сколько можно?! Оставьте меня в покое!»

Определив, что ржание исходит со стороны огорода, я опрометью бросился туда.

Конь стоял у амбара. Стоял, запряженный в телегу с красной попоной и двумя подушками.

Краем глаза я заметил что-то необычное, но времени размышлять не было. Пока меня официально не объявили вором, надо срочно возвращать чужое имущество.

«Как он здесь? Зачем это?» – лихорадочно соображал я, не понимая, как вывести коня с участка. Уздечки не было, не за хвост же хватать?!

Я боялся получить в лоб копытом и бестолково бегал вокруг животного.

Конь тоскливо смотрел на меня и переминался с ноги на ногу. Массивный круп, живые глаза, колтуны в гриве.

Пока я хлопал его по спине, говорил: «Пойдем, слышишь, пойдем к той дыре в заборе», – я не заметил, что был обнаружен.

Откуда-то появился Сергей. Он молча отстранил меня. Открыл белые ворота на бабушкином огороженном участке, сел на коня и уехал.

Я поплелся к дому.

У калитки маячила толпа. Толпа малознакомых людей. Мне грозили кулаками и улюлюкали.

Я оправдывался, но никто не слушал. Я искал среди сердитых лиц хоть одно, заинтересованное в моем оправдании. Но не находил.

Павел Никифорович стоял поодаль и молчал. Ни Анны Павловны, ни Леньки не было видно.

Мужик в розовом синтепоне опять шептал на ухо Зиновию Аркадьевичу, а тот кивал головой. Мне не понравился этот шепот и осуждающие взгляды. Не понравилось, что председатель деревни вместо того, чтобы составить собственное мнение, прислушивался к кому-то. Что прислушивался не ко мне.

– Кролик, ну скажи им!

Кролик стоял у забора, его левый глаз дергался.

– Может, это, – сказал он, обращаясь к деду, жившему на окраине деревни, – выпьем?

Я злился от беспомощности.

– Да не брал я вашу телегу!

Толик, коренастый мужик с доверчивыми, как у ребенка, широко распахнутыми глазами, открыл калитку, подошел ко мне и ударил по лицу. Это, конечно, не лошадь копытом, но тоже неприятно.

0.6.2. Необычное обстоятельство

На улице больше нечего было делать. Я пошел в дом.

Ополоснул лицо водой. Холодильник «Морозко» не работал, и в доме не нашлось ничего холоднее железного рукомойника. Я приложился к нему щекой.

Когда народ разошелся по делам, я вернулся на место преступления.

Меня туда тянуло. Хотелось осмыслить произошедшее.

Я вернулся к амбару и тут же понял, что привлекло мое внимание в присутствии коня. Обстоятельство, на обдумывание которого не нашлось времени раньше.

Бабушкин амбар, ранее запертый на огромный замок, был настезь открыт.

Амбар был открыт и пуст.

0.7. Семь ночей. Седьмая ночь

0.7.0. Озарение

Дела мои обстояли плохо.

Я сидел за бабушкиным столом, в бабушкиной столовой и пил чай из бабушкиной кружки. Но я не был бабушкой, я был вором. Деревня ополчилась против меня, любой местный житель обрадовался бы моему отъезду.

Я посмотрел на чемодан, а потом на дверь. Представил, как покупаю билет, хожу по перрону в ожидании поезда и наконец с чувством облегчения покидаю деревню. За окном проносятся леса и поля, взгляд скользит с одного телеграфного столба на другой.

И тут до меня дошло.

Я стукнул себя по лбу.

«Вот чего они добивались!»

Вот зачем изводили по ночам громким стуком в дверь и окна. А когда не сработало, объявили вором. Чтобы вынудить уехать! Надеялись, что я испугаюсь и сбегу.

Но зачем? Зачем выживать меня из деревни?

Кому я так сильно помешал?

Я отодвинул кружку с чаем и уставился на грязную клеенку в цветочек.

Один за одним я перебрал в голове деревенских, но зацепиться было не за что. Я не мог представить, кому понадобилось убрать меня из деревни и зачем. Ни один человек не вызывал подозрений.

Кроме, может быть, Кролика. Но его причастность к делу я самому себе доказать не мог. И Павла Никифоровича. Почему он при встрече смущается, заикается и в глаза мне не смотрит? И Высокого Папы. Что он все время шепчет на ухо председателю? И, кстати, самого председателя. Откуда у него такая уверенность, что я украл телегу? И всех остальных местных жителей тоже. Что с ними не так?

«Что же делать?! Что теперь делать?» – я закрыл лицо руками и нащупал на щеке шишку. Стало обидно.

Я был одурачен, но доказать не мог.

Был избит, но не вызывал жалости.

Чувствовал себя вором, но на деле обворован был сам.

«Амбар!» – вспомнил я.

Что-то украли из бабушкиного амбара! Но что?

Я ни разу туда не заходил и не знал, что там могло храниться.

«Зачем бабушке понадобился амбар?»

Вроде его не было, когда я последний раз приезжал к ней на каникулы.

0.7.1. Вынужденное спокойствие

Я посмотрел на часы. Два ночи.

Я встал из-за стола и лег на кровать.

Отныне никто не будет стучать по ночам в мою дверь, никому я больше не нужен. Вор и отщепенец.

Я резко сел:

«А вдруг постучит участковый?»

От этой мысли стало больно.

Раньше я не боялся ночного стука в дверь. Раздражался, злился, но страх не испытывал. Теперь я дрожал.

На моменты обеих краж я не имел алиби. Когда угнали телегу, Кролик от выпитого был без сознания. Он не сможет сказать, что я делал и во сколько. А в ночь, когда украли коня, я был и вовсе один.

«Вдруг меня посадят? – с ужасом подумал я. – На сколько сажают за кражу коня с телегой?»

Я влип по самые уши, и, осознав это, разволновался. Мозг отказывался работать.

«Так! Соберись».

Я закрыл глаза.

«Если придут, скажешь, как есть. Найдешь людей, докажешь платежеспособность. Не пьешь, не куришь, зачем тебе красть?... А можно и вовсе сказать, что это была шутка. Сколько дают за хулиганство?»

Я немного успокоился.

К тому же оставалась надежда, что деревенское общество не отличалось гражданской сознательностью, и полицию никто не вызвал.

«Зачем я приехал? – снова подумал я, откидываясь на подушки. – Почему решил, что здесь хорошо? Надо было остаться. Найти новую работу, девушку. А не уезжать к черту на куличики, где одни дураки и алкоголики!»

В глубине души я понимал, был уверен: судьба настигла бы меня где угодно. Но, как за спасательный круг, хватался за мысль, что могу контролировать свою жизнь.

0.7.2. Ночной гость

В дверь громко постучали.

Я вздрогнул.

Постучали еще раз.

«Ну все», – решил я и ватными от страха ногами пошел открывать.

На пороге стоял Сергей, бармен и владелец «Пещеры». Я облегченно выдохнул.

Сергей вошел в дом и закрыл дверь. Он был года на два старше нас с Кроликом. Худой и высокий, отличался резкими движениями.

– Ты дурак, – сказал он. – Но твоя бабка...

– Ясно.

Бабушка была чудесным человеком.

– Не знаю, что там и как, – продолжил он, – но ты же не за конями приехал?

Я впервые задумался, много ли кабаков в деревнях.

– Это не я.

– Поговори со своим приятелем Кроликом, – Сергей замялся. – Он-то побольше нашего слышит.

И ушел, не попрощавшись.

«Я так и знал, – подумал я, – так и знал, что это кроличьих рук дело. Но зачем ему?»

0.0. Дауншифтинг

0.0.0. Всем собакам собаки

Одна из собак подняла морду и уставилась на меня.

Я замер.

Собака встала. Донеслось злобное рычание.

Я попятился, она гавкнула.

– Поехал бы на автобусе, – будто сказала она, – и проблем бы не было.

– Битый час шел, надеясь на попутку. Но пейзаж не менялся: ни автобусов, ни машин.

Людей тоже не было. Заиндевшие деревья стояли неподвижно.

Несколько раз я сворачивал с шоссе, но ни одна из дорог не вела к бабушкиному дому, ни одна не показалась знакомой. Пока на стволе высокого клена не увидел доску объявлений: «Куплю дом», «Продам уголь».

«Кажется, здесь», – обрадовался я и свернул. Но вскоре глаза споткнулись о черное пятно на снегу: посередине дороги лежали собаки.

Одна из них, оскалив зубы, направилась ко мне. Ее товарка лениво потянулась и встала.

Я заметил грязные космы, красные глаза размером с блюдце. Повернулся и пошел обратно.

Умные люди сказали бы, что поворачиваться спиной – ошибка. Я же твердил себе: «Главное, не смотри!» Чем быстрее уходил, тем медленнее и спокойнее чеканил слова: «Я сам создаю действительность. Без наблюдателя нет объекта наблюдения».

Достигнув шоссе, я перевел дух и заставил себя обернуться. Никого.

Прошел метров десять. Оглянулся. Собаки стояли у поворота. Но дальше не шли, будто сдерживаемые невидимым забором.

Они внимательно смотрели мне вслед. Потом заскулили и, понутив головы, поплелись обратно.

«Вот черт», – услышав песий скулеж, я устыдился. Собаки были голодны и одиноки.

Я полез в чемодан и достал бутерброды, что взял с собой. Вернулся к повороту и бросил колбасу в снег на обочине. Привлекая внимание, тихо окликнул:

– Эй!

Собаки не оглянулись. Они разочарованно брели обратно на належанное место посередине дороги.

– Какие же вы дурные, – с грустью посмотрел на колбасу.

Я был раздавлен. Оставшись без бутербродов, но с памятью о том, как позорно улепетывал от собак, я отправился искать обходной путь к бабушкиному дому.

Только потом я понял, что дворняги, лежавшие на дороге, служили предостережением. По словам Лизетт, они были добрыми друзьями, посланными защитить от беды. Я думал, они охраняли дорогу от меня, чужака, но они охраняли меня, чужака, от дороги.

Не переступи я порог бабушкиного дома, не случилось бы ни одной из семи ночей, что лишили меня покоя. Не оказался бы я врагом деревни Шахматная, не запятнал бы имя любимой бабушки, не встретил бы ту, которую должен был встретить.

0.0.1. Беспольный ключ

Я слегка расчистил ногой снег у двери. Вставил ключ в навесной замок. Попытался повернуть, но ключ застрял. Я дернул раз, другой, вытащил.

Недолго думая, засунул ключ обратно. Он снова застрял.

Я боялся сломать, деликатничал, но замок не поддавался. Не выдержав, я стукнул им по двери. Потом потер руки, подышал на них и опять приступил к работе.

Ключ с трудом повернулся, и я услышал долгожданный щелчок. Мысленно я уже наливал в чашку из бабушкиного сервиза ароматный горячий чай, слушал треск поленьев в печи.

Потянул за ручку, но дверь не открылась. Я тянул и тянул. Сделал упор на ноги и резко дернул – ничего. Будто приколочена. Что за черт?

Я оглядел дверь сверху донизу: обледенела. Что делать, я понятия не имел. Был бы у меня нож, расколол бы лед на двери. Был бы фен, растопил горячим воздухом. Был бы кипятильник, облил дверь из ведра. Отец размораживал автомобильные дверцы спиртом, но у меня и водки с собой не было.

Сняв варежку, я полез в карман за мобильником. На экране безжалостно высветилось: «Нет сигнала».

– Блин, – покрасневшими от холода пальцами я набрал отца, но гудок не пошел.

«И какого хрена никто не сказал, что тут связи нет?!» – возмутился я, стуча носком ботинка по обледенелому краю двери.

«Можно поехать домой. Будто меня и не было, – подумал я. – Посидеть до поезда на вокзале, и ту-туу».

В кармане лежала бумажка с расписанием. Я не верил глазам, слезящимся от холода, недосыпа и усталости: обратный поезд придет через неделю. Слишком долго, чтобы сидеть на вокзале.

Ручные часы показывали начало девятого утра. Время пить чай и заедать его приготовленными бабушкой пирогами, но никак не время стоять на пороге ее равнодушного дома и морозить нос.

Я устал. Казалось, нужно только войти, и остальные проблемы решатся сами. Но войти не удавалось.

Я обошел дом. Стены выцвели на солнце и из изумрудных стали светло-зелеными. Шифер на крыше потрескался, потемнел. Окна были закрыты ставнями и заколочены. Дом старился вместе с бабушкой, а, когда ее не стало, замер в летаргическом сне.

Дом, хлев и сарай были закрыты на огромные ржавые замки. Только дровяник открыт, но в нем ни дров, ни даже щепочки. Выглядела усадьба неприветливо.

«Влезть в окно? Но без инструментов... Можно молотком, гвоздодером, но потом-то что? Не разбивать же стекла!»

Я подошел к сараю, в котором бабушка могла хранить инструменты. Даже не пробуя открыть замок, первым делом оглядел дверь. На ней выросла толстая корка льда. Сарай мне тоже не открыть.

0.0.2. Руки вверх

– Кто тут по дворам ходит?

Я обернулся. У калитки стоял старик в телогрейке, на голове меховая шапка, руки в боки. Лицо красное, обветренное.

«Домой хочу», – подумал я, опуская голову.

– Нечего отсюда выносить, и не думай! – сказал старик, пропихиваясь в узкую щель калитки. – Я сам все вынес.

Он подошел поближе и остановился возле меня. Глаза у деда были грустные.

– Проваливай-ка отсюда.

– Я свой, – сказал я. – Здесь бабушка жила.

Старик, узнав, что я внук Антонины Глебовны, смутился.

– Иннокентий, да? – спросил он, заикаясь, и вместо двух букв «н» в имени произнес целых четыре.

– Кеша, – ответил я.

– Ясно, – сказал дед, тушуясь. Но все же протянул мне руку. – Павел Никифорович.

Мы немного постояли.

– Сколько тебе, тридцать есть? – спросил он, словно старый знакомый.

– Двадцать четыре, – сказал я.

– Ясно, – старик с тоской посмотрел на калитку, и мне показалось, что домой хочу не я один.

– К Анне Палне... К соседке, вон дом белый, сходи, – неопределенно махнул рукой Павел Никифорович. – За лопатой. Снег со льдом сбить.

Повернулся и пошел прочь слегка неуверенной походкой, ссутулив спину.

«Что это он так расстроился?»

Решив переехать в деревню, я не подумал, что кому-то мой поступок придется не по душе. И этих «кому-то» будет на удивление много.

0.0.3. Мужик в розовом синтепоне

Не успел я постучать, как дверь распахнулась и из дома Анны Павловны выскочил мужик в грязно-розовой куртке. Он грубо оттолкнул меня локтем.

«Ну и соседи!» – подумал я.

Дверь снова открылась, и на пороге показалась розовощекая женщина лет сорока.

– Тебе чего? – спросила она недружелюбно.

– Лопату, – ответил я.

– Да вон там она, лопата! – сказала соседка, показав глазами на сарай. Накинула на плечи тулуп и побежала за мужиком.

Я побрел в сарай. Откалывая лед, боялся повредить инструмент, поэтому из представленных лопат выбирал пострашнее.

– Чего так долго-то? – спросила Анна Павловна, заглядывая внутрь. – Или не нашел?

– Похуже выбираю!

– Вон чего! Другие получше выбирают, а он – похуже.

Анна Павловна рассмеялась и подошла помочь.

– Мне лед раскалывать, – объяснил я.

– Бери любую.

Я выбрал лопату с необтесанным черенком. Анна Павловна подняла на меня голову и резко спросила:

– А ты кто будешь-то, а?

0.0.4. Учет нового имущества

Три кровати, тумбочка, комод и шкаф. Стол, стулья, табуреты. На месте телевизора – следы от его ножек, на месте газовой плиты – пара старых газет. Даже неработающий холодильник «Морозко» отсутствовал, будто понадобился кому-то. Павел Никифорович оказался прав: красть в доме было нечего. Разве что старую мебель, посуду и полчище крыс. Услышав шаги, они бросились врассыпную.

В доме было холодно и сыро, стоял спертый запах. Мебель и обои погрызены. Съедена зубная паста и мыло, в качестве оплаты оставлены крысиные какашки.

Я стоял у дверей, грустью опираясь на соседскую лопату, и собирался с силами. Никто меня здесь не ждал, никому я не нужен. Было холодно, голодно, тоскливо и одиноко.

Будто оказывая поддержку, запищали крысы. «Ну погодите! – мысленно погрозил я в воздухе кулаком. – Покажу я вам!» Хотя была бы моя воля, никому ничего показывать бы не стал, а ушел восвояси, восстановив былую гармонию.

Я снова проверил расписание поездов.

0.0.5. Уроки выживания в диких условиях

Очищая от скорлупы вареные яйца, взятые в дорогу, я вспоминал инструкцию по выживанию. Как бы ни хотелось мне абстрагироваться от унылой реальности, сотрудничать с ней было надо. Первым делом, обучали в школе на уроках ОБЖ, следует добыть воду и разжечь костер.

Я взял ведро в столовой, вытряхнул крысиные какашки. Общественный колодец перед домом выглядел заброшенным, но я открыл крышку и опустил ведро. Вместо всплеска воды услышал стук металла об лед. Март в Псковской области был суров.

Ни солоно хлебавши, я вернулся домой и решил затопить. В поленнице было пусто. Поискал возле печи – дров не набралось и на топку.

«Здесь одному не выжить», – расстроился я и снова поплелся к соседке.

– Спасибо, – сказал я Анне Павловне, возвращая лопату. Потом кивнул на ведро:

– Не знаете, где воды взять?

– Нету, – отрезала она и продала мне пятилитровую канистру с водой.

– А дрова? – спросил я и тут же получил счет за три охапки.

– Деньгами тока, – загадочно сказала она, словно извиняясь. – Пива нету.

«Причем тут пиво?» Но, избегая ненужных подробностей, вслух сказал:

– Конечно, – и достал кошелек.

Я не умел обеспечить себя водой, едой, дровами. В собственный дом не смог попасть без соседской лопаты. Мое благополучие в деревне зависело от окружающих людей, их отношения и помощи. Радуюсь, что взял в дорогу приличную сумму, я и не подозревал, что скоро никаких денег не хватит, чтобы решить мои проблемы.

0.0.6. Возвращенцы

Прижав к животу ламповый телевизор, на пороге стоял Павел Никифорович.

– Это ее, бабки твоей, – сказал он, – схоронил у себя.

Конечно, телевизор был моей первой необходимостью. Я даже рассердился: нет, чтобы дров принести.

– Сыро тут, протопить бы, – сказал Павел Никифорович, читая мои мысли.

Я кивнул.

– И печь замазать. Смотри, трещина какая.

Он ткнул пальцем в тонкую царапину на глине.

– Следов дыма нет, но замазать надо.

Павел Никифорович оглянулся на меня, но я молчал. С такой печью можно много лет прожить, а я здесь временно.

– Пошли, – слабо вздохнул он, – Еще плиту отнесть. Вот тут стояла. И баллон с газом. Да два маленьких. У себя держал. А раз ты тут, – Павел Никифорович посмотрел на меня, но я опять ничего не ответил. Не говорить же старику, чтобы нес телевизор обратно.

Павел Никифорович оказался сильнее, чем я думал. Вдвоем мы перенесли даже неработающий холодильник «Морозко». Впрочем, проблем с хранением продуктов я тогда не обнаружил: бутерброды отдал собакам, яйца съел сам.

В ту первую ночь в деревне Шахматная я лежал в темноте и не мог заснуть, мучаясь пустым желудком. Старался обмануть организм: представлял, как отправляю в рот большой кусок среднепрожаренного стейка. Пережевываю и глотаю. Воображал, как он проходит по пищеводу, заполняет желудок.

Крысы за стеной шумели. Перепуганные моим появлением, на глаза они не показывались. Но, как и я, мучились голодом. Они не могли насытиться воображаемым мясом.

Впрочем, и я не мог. Наоборот, был голоднее, чем до начала представления. К тому же испугался, что организм сыграет злую шутку. Когда я отправлю кусок настоящего стейка в рот, прожую, проглочу, сытости не почувствую. Вдруг, что бы я отныне не съел, всегда буду голоден?!

Я подумал о двух собаках на дороге. С сожалением вспомнил, как от них улепетывал. Мне не хотелось чувствовать стыд и слабость, не хотелось убегать от проблем. «А что если остаться в деревне, несмотря ни на что?»

Эта мысль меня позабавила. Я не догадывался, к каким последствиям для деревни и ее жителей она приведет.

Часть 1

1.0. Сумасшедшее пивопитие

1.0.0. Кролик знает, кто меня подставил

– Я знаю, кто это, – сказал Кролик, как только я уселся напротив.

– Кто? – спросил я хриплым голосом. Кто стучал в дверь и окна моего дома несколько ночей подряд? Кто украл у Толика телегу с попоной и двумя подушками, а у Данилыча – коня с колтунами в гриве? Кто подставил меня, обвинив в воровстве?

Кролик улыбнулся и потянул паузу.

Целый день я сидел дома, боясь выглянуть на улицу. Не хотелось лишний раз маячить перед глазами озлобленных жителей. Но когда стемнело, я пошел в кабак.

В помещении было пусто. Только Кролик, как обычно, сидел за стойкой. Увидев меня, он кивнул на столик у входа и пересел туда сам.

Я прокашлялся:

– Кто?

Не успел Кролик рот открыть, как дверь в кабак распахнулась и в проеме возник мужик в розовом синтепоне. Высокий Папа в упор посмотрел на Кролика.

– Скажи, кто, – твердо произнес я.

Приятель потер рукой лоб.

– Щас, – сказал он. И вышел на улицу вслед за Папой.

Я уставился на дверь.

За то время, что я не сводил с нее глаз, зашел за бутылкой дядя Боря, на пару секунд в кабак заглянула незнакомая некрасивая женщина, рыжий кот прошествовал на кухню. Никто из них, к счастью, не обратил на меня внимание. Но Кролик не возвращался.

Неопределенность мучила меня и отравляла каждую секунду. Я хотел скорее уладить конфликт с деревней и вернуться к спокойной жизни. А вместо этого нервничал и ждал.

Когда гипнотизировать дверь надоело, я заскользил взглядом по Пещере. Голые каменные стены, низкая барная стойка из бревен, хозяин и по совместительству бармен Сергей, официантка Лизетт. В темном углу я обнаружил незнакомца в красной шапочке, которого не заметил раньше.

Где же этот Кролик? Забыл он обо мне, что ли?

1.0.1. Чудик тоже кое-что слышал

Я считал бутылки, выставленные в баре, и подумывал о том, чтобы выйти на улицу и разыскать Кролика.

– Эй! – грубо прервал мои мысли незнакомец в красной шапочке.

Я вздрогнул.

– Эй, парень! Ты кто?

Разговаривать с пьяным не хотелось, но и драки не хотелось тоже. Я заметил беспокойный взгляд Сергея и смущенный – Лизетт. Оглянулся на незнакомца.

– Я тебя раньше не видел. Его видел, – он кивнул на Сергея, – барышню, – указав на Лизетт, – тоже. А тебя нет.

– Я здесь недавно.

Незнакомец широко улыбнулся, встал и подошел к моему столу.

Выглядел он чудно, в деревне так не одевались. Из-под длинной красной куртки выглядывали футболка с изображением Ганеша и шаровары с мотней.

– Я уже ухожу, – сказал я.

Чудик в красной шапочке поставил кружку пива на стол и сел:

– Кинул он тебя, да?

– Кто?

– Да парень тот, – Чудик кивнул на дверь.

Я пожал плечами и встал из-за стола.

– Я сидел вон на тех стульях, – незнакомец указал пальцем в сторону бара, – и кое-что слышал.

Он смотрел на меня, ожидая реакцию.

Я не поверил Чудику, но любопытство перевесило здравый смысл. Как будто оно, удивительное, кого-либо сделало счастливым.

Я сел обратно.

– Славная, да? – вполголоса спросил Чудик, опять кивнув в сторону бара.

Я посмотрел на Лизетт, немного подумал и согласился. У Лизетт была пышная грудь.

– И пиво вкусное, – продолжил незнакомец. – Замечательное пиво.

Тут я и думать не стал.

– Оно мне что-то напоминает.

– Мед? – спросил я. – Или персики?

– Нет, – помотал головой Чудик. – Что-то из детства. Какой-то забытый вкус, никак не соображу.

Он помолчал, а потом продолжил:

– Заметил, что все говорят о пиве? Думают, почему оно такое вкусное.

Я пожал плечами, а он рассмеялся:

– Ведь из какого дерьма его только не варят! Вот из риса, например.

– Я не знал, – сказал я. Слышал, что из риса делают водку, но не пиво.

– Ну вот, – расстроился Чудик. И знаком попросил бармена повторить.

1.0.2. Красная шапочка в день Марса

Лизетт принесла пиво и чуть не опрокинула кружку. Это меня насторожило.

Лизетт я знал с детства. Тогда она была милой девочкой – помогала моей бабушке собирать в саду яблоки, варить варенье. Лизетт бабушку любила, и яблоки любила тоже.

Бывая у нас, она находилась в прекрасном расположении духа. Кроме нескольких случаев, когда Лизетт приходила взвинченная. Тогда яблоки попадались сплошь гнилые и червивые, а под кипятком одна за другой лопались банки.

Бабушка часто говорила: «Если Лиза сама не своя, жди беды. У нее словно барометр на несчастья в груди спрятан». Вспомнив ее слова, я внимательно поглядел на Чудика.

Ему было лет тридцать-тридцать пять. Круглое лицо, короткая борода, косматые брови нависают над темными глазами. Так в моем понимании мог выглядеть лепрекон в молодости.

– Замечательное пиво, – повторил Чудик, – другого такого нет.

Я воззрился на его шапочку.

– Сегодня вторник, день Марса, – сказал Чудик таким тоном, будто что-то пояснил.

– Марса?

– Да, – он задумался, – Наверное, в день Марса не стоит пить пиво...

Чудик подмигнул.

– В день Марса я ношу красную шапочку.

Я пожалел, что не ушел из кабака сразу, как заметил Чудика.

1.0.3. Ответ на вопросы

– Он тебе не друг, – сказал Чудик. – Тот парень, что сидел тут – вот на этом самом месте, где я сижу. Он еще улыбался во весь рот.

Чудик растянул губы в улыбке, пародируя Кролика. Я посмотрел в сторону бара, но Сергея за стойкой не было.

– Что Вы слышали? – спросил я.

– Вкусное пиво, – опять начал Чудик. – А знаешь, что это за пиво? Это Правильный И единственно Верный Ответ на все вопросы.

Чудик со значением посмотрел на меня и замер: видимо, чтобы я прочувствовал всю серьезность заявления. Но от его слов я внутренне сжался. Не опознал в Чудике провидца, увидел умалишенного. Сидеть с одним таким за общим столом никуда не годилось. В любой момент он мог выкинуть черт знает что.

Мне стоило прислушаться к словам Чудика, уловить в них зерно истины, а я только и думал, как безболезненно выйти из разговора.

Увидев мою досаду, Чудик махнул рукой.

– Я сидел у барной стойки, когда он пришел, и все слышал. Он сказал бармену, что ждет «этого олуха».

Он многозначительно на меня посмотрел.

– А потом? – спросил я, невольно скривив лицо.

– А потом из кухни вышла она. Славная, да?

Посмотрев на Лизетт, я кивнул, но сразу опомнился.

«Так это все, что он слышал? – подумал я. – Два слова?»

Незнакомец прочитал мои мысли.

– Это не все. Когда она отошла, бармен кое-что сказал твоему другу, – Чудик наклонился ко мне и понизил голос. – Цитирую дословно: «Меня твои делишки не волнуют. И кончай тут околачиваться».

Я задумался.

– Нервный бармен – плохой бармен, – подытожил Чудик.

– А что дальше?

– Ничего.

– А причем тут пиво? – спросил я.

– А-а-а, это самое интересное, – сказал Чудик. – Недавно прошел слух, что пиво кончилось, а новое варить некому.

– И все? – спросил я.

– Знаешь, приятель, пиво – не повод для шуток. Любое другое – да, но не это.

– Почему? – спросил я.

Чудик посмотрел на меня, как на идиота:

– Потому что оно бесплатное.

Я разом почувствовал дикую усталость. Шея ныла, голова была чугунной, а ноги и руки еле слушались.

– И потому что оно такое вкусное.

1.0.4. Кроличья нора

Кролик дверь не запирает.

Я вошел в пустой дом. Включив свет, огляделся.

Обстановка была простой, из мебели – ничего лишнего. Но на столе лежала чистая скатерть, под телевизором – кружевная салфетка, постель заправлена. Изба на жилище холостяка не походила.

Я снял ботинки и лег на кровать. «Придет же он когда-нибудь».

Я знал, что Кролик – последний, кому можно доверять. Но что оставалось делать?!

«Как же мне все это надоело, – подумал я, закрывая глаза. – Какой сумасшедший день!»

Я и не представлял, что следующий будет намного хуже.

1.1. Засада

1.1.0. Лови его

«Так вот, кто меня подставил!»

– Кролик! – возмущенно крикнул я, заглянув в пещеру.

К слову, это была настоящая пещера, а не стилизованный кабак «У Сергея». Вокруг нее раскинулся лес. У входа стояла высокая сосна с пчелиным гнездом на нижней ветке.

Внутри пещеры было тихо, но тишина казалась живой. Словно, прячась под сводами, кто-то безмолвно вздыхал, кто-то таинственно улыбался, а кто-то в надежде потирал руки, словно задумав недобрую шутку. Все эти «кто-то» наверняка сговорились с Кроликом.

– Эй, – вкрадчиво сказал я. – Кролика не видели?

Пещера хранила молчание. Может, чуть более напряженное.

«Выйдет же он когда-нибудь! Вот тогда и посчитаемся».

Но только я повернулся к пещере спиной, к лесу передом, к ноге подскочил камешек, больно ударив по большому пальцу. Потом еще один. И еще. А в довершение на голову упала шишка.

– Кролик, – сказал я, – ну ты и свинья!

И, защищаясь от напастей леса, ступил в пещеру.

Темнота напозла на меня быстро и решительно. Не успел я как следует испугаться, как пропал у себя из виду – собственный нос не наблюдал. Водил перед собой руками, готовый в любой момент споткнуться и упасть.

Надеялся ли я нащупать здесь Кролика? Вряд ли. Я бы умер со страху, если бы кого-нибудь здесь нащупал.

Я шел вперед, не задумываясь, куда и зачем. А потом увидел свет.

Обрадованный, выбежал на свежий воздух. Вот сосна. Вот лес. И тропинка к деревне. Почему так беспокойно?

Я присмотрелся. Лес был не хвойный, а лиственный. Тропинка вела не вправо, а влево. Вместо пчелиного гнезда на сосне висела кормушка для птиц.

Между лесом Снаружи пещеры и лесом Внутри было и приятное различие: здесь не летели под ноги камни и не сыпались на голову шишки.

«Хм, – подумал я. – Что будет, если пойду домой не Снаружи, а Внутри пещеры? Найду ли бабушкин дом? Увижу ли соседку Клару? Скажет ли она: «Бездельник, вор проклятый»? Или улыбнется? А может, я встречу другого Толика, и ему будет стыдно за мой синяк под глазом?»

«А вдруг, – похолодел я от ужаса, – встречу другого Кролика и приму его за настоящего?! А вдруг я никогда не найду настоящего Кролика?!»

Положение становилось отчаянным.

«Кролика нужно найти. Во что бы то ни стало. Добиться правды, восстановить свое честное имя. Но как отличить двух Кроликов друг от друга?»

Кролик, которого я знал, был неприятным типом. Он хитро улыбался, говоря:

– Нужно обескураживать людей честностью.

Где он услышал это слово – «обескураживать»? Опять, что ли, по телевизору?

Или:

– Смех – лучшая таблетка.

Или:

– Вставай, слышишь, дурак!

1.1.1. Мольба Лизетт

Я открыл глаза и увидел Лизетт. Она изо всех сил трясла меня за плечо.

– Ну вставай же, слышишь?! – кричала она.

– Да, встаю я, встаю!

Лизетт села на кровать.

– Я больше не могу, – сказала она.

«Уж не спутала ли она меня с Кроликом потому, что я в его кровати?!»

– Знаешь, где он? – Лизетт повернула ко мне взволнованное лицо.

Вчерашний макияж она не смыла. Тушь неравномерными комочками осела вокруг глаз, веки были красными и припухшими, а губы – сухими и искусанными. Вот уж не думал, что женщины в деревне наносят макияж.

– Нет, – сказал я.

– Помоги сыскать.

Ходить по деревне и мозолить глаза жителям в мои планы не входило. Я собирался сидеть у Кролика и ждать, когда он сам объявится.

– Ну, пошли, – умоляла Лизетт, – пошли, а?

С фразы «я не хочу никуда идти» начинается день, полный головной боли.

1.2. На поиски Кролика

1.2.0. Ключ от Пещеры

– Пойдем в кабак, – предложил я. Чаще всего Кролик бывал там.

Лизетт кивнула.

Мы вышли из дома. Не сговариваясь, предпочли людной дороге тропу через поле.

– А у Папы ты была?

– У папы? – переспросила Лизетт.

– Да не у твоего папы, у Высокого Папы. Кролик же вчера с ним ушел.

– Кролик?

Я стал подозревать неладное.

– Ну мы же Кролика ищем, верно?

– Ох, – вздохнула Лизетт. Она смутилась и покраснела. – Сережу.

Если бы я знал, ни за что бы не пошел.

– Что-то плохо с ним, – начала она оправдываться. – У меня прямо сердце заходится.

– Ладно.

В конце концов, Кролик мог быть там же, где и Сергей.

Тоном приступившего к делу следователя я спросил:

– Что мы знаем?

Лизетт недоуменно пожала плечами.

– Я к тому, что надо восстановить цепь событий. Когда ты его видела?

– Ну, – Лизетт задумалась, – он с Кроликом говорил, а потом как в воду канул. Я ждала-ждала. Потом до дому, но его и там нет.

Лизетт споткнулась.

– Я к Кролику. Что они там говорили, не знаю, но Сережа страсть какой злой был.

У входа в Пещеру мы остановились. Я вспомнил, что с вечера ничего не ел.

– Заодно дашь мне кофе и бутерброд, – сказал я. – Потому что голодный мужик тебе не помощник.

Лизетт кивнула, открыла дверь, и мы вошли.

– Ах, – вздохнула Лизетт.

Большая часть мебели была сломана, зеркало за баром разбито. Стройный ряд бутылок с алкоголем исчез.

Лизетт остолбенела. Она была бледна и испугана.

– Не волнуйся, – успокоил я, – Сергея тут не было, ты же сама сказала.

Она кивнула. Попыталась поднять стол. У стола была сломана ножка, и он опять завалился набок.

Выдержав приличествующую паузу, я спросил:

– Так что там насчет кофе?

Галантным кавалером я не был.

Лизетт кивнула и, как сомнамбула, проследовала на кухню.

Я поднял один из уцелевших стульев и сел. Лизетт принесла тарелку с холодной закуской: вареными яйцами, солеными огурцами и двумя бутербродами с сыром.

Я съел все без остатка. Посмотрел на осунувшееся лицо девушки и попросил добавки.

Она ушла и вернулась с двумя сухими булочками.

– Ешь, – сказал я. – И чтобы без разговоров.

Лизетт слабо улыбнулась, но с булочками расправилась молниеносно.

– Нам нужно кое-что прояснить, – сказал я. – Ты сейчас открыла замок ключом, так? Значит, Пещера была заперта?

Лизетт кивнула.

– Значит, тот, кто это сделал, имел ключ.

Лизетт не понимала, к чему я клоню, и молчала.

– Ключ у тебя и у Сергея.

Лизетт снова кивнула.

– У кого еще есть ключ от Пещеры?

Девушка пожала плечами:

– У всех. У всех у нас есть.

Потом что-то сообразила и добавила:

– У тебя нет. У тебя нет ключа.

1.2.1. Жалостливый кавалер

– Может, это Кролик?

– Зачем ему?

– Ты же сама сказала, что они поссорились.

«Меня твои делишки не волнуют, и кончай здесь околачиваться», – вот, что сказал Сергей Кролику.

Лизетт пожала плечами.

– Страшно за него, – сказала она.

– Думаю, все в порядке.

Девушка заперла Пещеру.

– Боишься, что стул украдут? Сломанный... И зачем закрывать, если у всех ключи?

– У тебя-то нет, – напомнила Лизетт.

Я рассердился.

– Почему ты вообще со мной разговариваешь? Я же вор!

Лизетт посмотрела на меня с осуждением.

– Я пойду.

На ее глазах появились слезы.

– Ну что ты?! – сказал я. – Найдешь ты Сергея, все будет хорошо.

Я обнял ее и услышал тяжелый стук сердца. «У нее словно барометр на несчастья в груди спрятан».

– Ладно. Пойдем к Папе. Может, он что-то знает, – галантным кавалером я не был, но был кавалером жалостливым.

1.2.2. Замок Высокого Папы

Высокий Папа жил в большом доме, облицованном серым камнем. С террасой на втором этаже и балконом на третьем.

Он стоял на веранде и держал в руках чашку с блюдцем.

– Здравствуйте, – крикнул я через забор.

Высокий Папа тупо уставился на меня.

– Приятного чаепития!

Он перевел взгляд на Лизетт, а потом отвернулся.

– Сан Саныч, – крикнула она. – Вы Сережу не видали?

Высокий Папа мотнул головой.

– А куда делся Кролик?

- Сан Саныч не удостоил меня ответом.
– Здесь нам ловить нечего, – обратился я к Лизетт.
– Куда же теперь?
– К Сергею. Может, он вернулся.

1.2.3. Добрый знак

Мы шли в тишине. Лизетт задумчиво смотрела под ноги, а я не знал, о чем говорить. Мой опыт общения с женщинами не был велик.

- Эй, – прервала молчание Лизетт, – а как твои яблони?
– Яблони? Нормальные яблони, яблони как яблони.
– За ними смотреть нужно. Ты смотришь?
– Смотрю, – сказал я.

Чего на них смотреть, не убегут же, в самом деле. Я ни разу не зашел в сад, чтобы не портить настроение ни себе, ни деревьям.

– Надо белить их, – продолжала Лизетт, – обрезать. У тебя в саду пара молодых, за ними очень нужно смотреть. Ты смотришь?

- Смотрю, – глухо отозвался я.
– Хорошо, – согласилась девушка.

Я пожал плечами и решил перевести тему:

- Мне сегодня сон приснился.

Лизетт не ответила, но подошла поближе.

– Я долго блуждал по пещере, обычной пещере в лесу. Так вот, я блуждал и думал, что никогда не выберусь. А потом увидел свет и...

– Это хороший знак, – перебила Лизетт, улыбувшись. – Добрый знак. Из тьмы к свету выйдешь.

Каким бы маленьким ни был мой опыт общения с женщинами, я знал, что им известна таинственная система «знаков».

– Мы скоро дойдем, вон тот дом, – сказала Лизетт, указав носом на двухэтажный особняк, обнесенный коричневым сайдингом. По голосу я понял, что она устала.

1.2.4. Дама сердца

На удивление Сергей был дома. И был не один.

Лизетт развернулась и вышла, хлопнув дверью. Бармен осоловело посмотрел ей вслед. Чокнувшись с подружкой, он выпил рюмку водки. В наготе та выглядела естественнее, чем многие другие при параде.

Я повернулся, чтобы уйти, но заметил у двери мольберт. Сергей нарисовал даму сердца на озере в лесу. И было это, видимо, на рассвете.

Я постоял немного перед полотном, потом посмотрел на незнакомку. Она была пьяна и некрасива. Ровно такая же женщина заглядывала вчера в кабак, когда я буравил глазами дверь в ожидании Кролика.

1.2.5. Все сходится

Когда я вышел, Лизетт нигде не было. Я вздохнул с облегчением: женщины, не выказывающие эмоции обидчику, обычно погружают в них случайных людей. Снова утешать Лизетт не хотелось. Мне предстояло разбираться с собственными проблемами.

«Итак, – думал я, огородами возвращаясь домой. – Кролик хотел рассказать, кто меня подставил, но его увел Высокий Папа. И в делишках, участвовать в которых отказался Сергей, скорее всего, замешаны они оба.

Все сходится. Только что именно?»

1.2.6. Яблочный шифр

Дома меня поджидала Лизетт.

– Ты меня обманул! – зашипела она, как только я ступил на порог. – Ты просто обманщик!

Я наклонил голову и вопросительно на нее посмотрел.

– Ты не смотришь за яблонями!

Она разревелась и опрометью бросилась прочь. Словно не Сергей ей сердце разбил, а я.

Три вишни у ограды, пара слив и много яблонь. Я терпеть не мог сад. Если бы не память о бабушке, срубил бы деревья в тот же миг, что переехал.

Думая превозмочь неприязнь к яблокам и сделать приятное Лизе, я нашел в сарае краску для побелки и кисточку.

Деревья выглядели устало.

Я с грустью посмотрел на них, поставил краску и лег на скамейку. Сквозь ветви я смотрел на облака, а они все плыли и плыли.

А потом рядом с моим ухом упало яблоко. Ветки антоновки ломались от плодов.

Я протянул руку и сорвал самый крупный. На коже были выбиты буквы. «А», «Л», «И». Четвертую букву не разобрать.

Я все вертел и вертел яблоко, и никак не мог насытить зрение. Буквы отчетливо выступали на коже – все, кроме одной. Я читал слева-направо и справа-налево. Составляя из букв слово, чувствовал с яблоком глубокую связь. Словно оно знало обо мне что-то, чего еще не мог знать я.

«Пожалуй, сохраню его», – решил я и увидел, как на месте непонятной буквы из яблока наружу вылез огромный жирный червь.

В омерзении отбросил плод подальше от себя.

1.2.7. Щи

Лизетт вернулась после того, как я с трагической физиономией и пауком в волосах вылез из сада. Молча обследовала холодильник, заглянула в каждый шкафчик на кухне и включила плиту. Вскоре я был накормлен.

Женщины используют нас как хотят: то им нужна груша для биття, то не отвечающий ни за что младенец.

Строить диалог Лизетт не пыталась. Она сидела рядом и хлебала щи. Один раз хмыкнула и два раза пожала плечами.

Наевшись, я вытянул под столом ноги.

Она подняла на меня голову и сказала:

– Давай останемся друзьями.

Я согласно кивнул. Лизетт встала, собрала тарелки и положила в раковину. Подошла к кровати и сняла сарафан.

«Уж больно все похоже на сон».

Только я это подумал, Лизетт ушла, не попрощавшись. Сарафан лежал на кровати как прямое доказательство нереальности происходящего: как правило, женщины не уходили от меня без одежды.

Я открыл тяжелые веки и уставился на небо. Оно давило и угнетало.

Яблок на деревьях не было, набухали почки.

«Интересно, какие знаки Лиза усмотрела бы в этом сне», – подумал я.

Голова трещала, меня мучило. Солнце болезненно светило в глаза.

Я приподнялся на локте. Мокрая рубашка прилипла к телу. Чертыхнувшись, встал и зарекся когда бы то ни было красить яблони.

Я вышел из сада и направился к дому. На крыльце сидел Кролик.

1.3. Идиотское положение

1.3.0. Клуб

– Выпить есть чего? – спросил Кролик. При слове «выпить» он привычно сузил глаза и вжал голову в плечи.

– Нет.

Мы постояли.

– Пошли в клуб, – сказал Кролик.

По средам клуб пустовал. Местные ходили туда по вторникам.

В этот день приезжала продуктовая машина, полная нарезных батонов, подозрительной колбасы и сигарет без фильтра. Водитель открывал кузов, и люди, с утра стоявшие в очереди, тут же смешивались в толпу. Они брали автолавку на абордаж и в мгновение ока сметали товары.

Участвуя в действе, я получал локтем по уху и то и дело терял галоши в лужах. Стоит ли колбаса, что продавали в автолавке, таких жертв, никто не спрашивал.

После нападения на машину женщины расходились по домам готовить, а мужики располагались в клубе и запивали купленным пивом самогон. Курили, играли в карты и домино. В общем, вторник был отличным днем. Отличным от всех остальных дней недели.

Сегодня была среда. По средам автолавка не приезжала, и клуб не работал. Но я об этом не подумал.

1.3.1. Лисенок в поле

– Я знаю, что это ты.

Кролик не ответил.

– Ты и кто-то еще.

– Ребята из Солнечного, – сказал Кролик. – Отличные, кстати, парни!

– Чтобы я уехал, так?

Кролик молчал.

– А Высокий Папа?

– Он денег уплатил. Чего было делать?

– Понятно.

– Смотри, – Кролик толкнул меня в бок.

Я поднял голову и увидел в поле лисенка.

Он стоял, наострив уши, и следил за нами. В узкой мордочке чувствовалось застывшее напряжение. Раз – и лисенок длинными прыжками помчался в сторону леса. Мне бы последовать его примеру, но я увлекся разговором.

– Пугливый, – сказал Кролик.

«Свободный», – подумал я.

– А если я все расскажу? Если в деревне узнают?

– Кто тебе поверит?

«Кто тебе захочет поверить?» – услышал я.

– Кто ты, а кто он?! – продолжил Кролик. – Ты здесь без году неделя, и никому не нравишься.

– Почему?

– Да по всему!

Кролик подошел к двери клуба и откинул щеколду.

– Иди, – сказал он.

В помещении было темно. Электричество в клуб не провели, а ставни на окнах были закрыты.

Я вошел. Кролик захлопнул за моей спиной дверь, заскрежетала щеколда.

– Ты охренел, что ли?

Кролик не ответил. Я услышал, как он сходит с крыльца.

Я застучал по двери.

– Кролик!

Со злости я ударил ногой по скамейке, очертания которой угадывались в темноте. Она была прибита к полу. Я треснул кулаком по столу, но и тогда ничего не изменилось. Я был заперт в клубе.

«Ну я и дурак! Настоящий олух».

Несколько минут самобичевания, и я различил стрекот сверчков. Он нарастал, нарастал, и вскоре мне стало казаться, что на земле, кроме меня и сверчков, больше никого нет. А потом я понял, что и меня нет. Одни сверчки.

1.3.2. Эй

Когда наступила ночь, я был уже достаточно затравлен. Я твердил: «По-моему я уже достаточно затравлен. Можно же меня выпустить, наконец!»

Но меня не выпускали.

«Если с Кроликом что случится, я умру, – сокрушался я. – Автолавка приедет только через неделю – люди найдут мой труп, с минуту на него посмотрят, и побегут за колбасой с сигаретами».

Я подошел к окну, закрытому тяжелыми ставнями. Сверчки на секунду умолкли, но застрекотали с новой силой. В щелочку я разглядел лунную дорожку, пересекающую поле.

Я вернулся на скамейку у двери. Облокотился на стол и положил голову на руки.

– Придется у него спросить, – услышал я женский голос и мигом проснулся. – Хотя что он обо мне подумает!

Я резко поднял голову, чуть не вывихнув затекшую шею.

Дверь в клуб была открыта. Женскую фигуру на пороге освещала луна.

– Простите. Я Вам помешала? Но мне совершенно необходимо знать, где я нахожусь.

Я ничего не понял. Прошел мимо девушки и спустился с крыльца.

– Эй! – то ли с отчаянием, то ли с обидой сказала она.

Я замер. В этом одном ее слове «эй» заключалась вся сила женского словаря.

Обернулся.

– Я потеряла кошку, – сказала она. – А потом потерялась сама.

1.3.3. Алиса из Солнечного поселка

Она шла за мной на некотором расстоянии, а я напряженно вслушивался в ее шаги.

– Мы скоро придем.

Затылком почувствовал, как она кивнула.

Я открыл калитку, пропуская ее вперед.

– Или Вас к Анне Павловне? К соседке моей отвести?

– Наверное, нет, – раздумывая, ответила незнакомка. Достала карманные часы и более уверенным тоном добавила. – Четыре ночи. Я останусь.

Я кивнул и провел ее в дом.

В доме было дико. И не потому, что в мое отсутствие здесь кто-то побывал – на полу остались грязные следы, валялось зерно, люк в подвал был открыт. Нет.

В доме было дико из-за Алисы.

Казалось, при ней вещи скукожились и стали маленькими. А я, наоборот, стал огромным. Огромным и неловким. Поставил чайник на плиту, но долго не мог зажечь спичку; доставая чашки, уронил на пол блюдо; рассыпал сахар и утопил в кипятке чайные пакетики вместе с этикетками.

Девушка следила за моими движениями, но помочь не пыталась.

Когда чай был готов, я сел напротив.

На вид ей было двадцать. Длинные золотистые локоны, большие карие глаза и короткий нос.

– Что это за деревня? – спросила она.

– Шахматная, – ответил я.

– А, – что-то прикидывая в уме, она дотронулась пальцем до кончика короткого носа. –

Мне кажется, сначала я шла на юг, а потом на север.

Она серьезно на меня посмотрела.

– С другой стороны я и «право» с «лево» путаю. Я из Солнечного поселка. Это далеко отсюда?

– Нет, – сказал я.

– А что Вы делали в том доме? – поинтересовалась она.

– Со сверчками разговаривал, – ответил я.

– Это хорошо. А то я бы до сих пор одна бродила.

Я вспомнил лисенка, и меня передернуло.

– Там лисы, – прочитала она мои мысли.

– Да, я видел сегодня одну.

– Алиса. Меня зовут Алиса.

– Кеша, – опомнился я. – Приятно познакомиться.

Мы чокнулись мятными пряниками.

1.3.4. Грабеж

Алисе я постелил в соседней комнате.

Она почистила зубы пальцем, одолжила рубашку и отправилась к себе.

Я спустился в подвал. Первое, что бросилось в глаза – опрокинутые железные бочки. Бочки были пусты, но на стенках налипло зерно.

Не успев задуматься, зачем нужно было класть зерно в бочки, я увидел нетронутую горстку крысиного яда. Крысы покинули мой дом, как только я примирился с их соседством. Я не раздражался их присутствию, перестал замечать следы жизнедеятельности, и они ушли. До этого железо с успехом отражало их нападения.

«Сначала воры взломали бабушкин амбар, теперь подвал вскрыли. Но зачем им зерно из подвала? Его можно где угодно купить!»

1.3.5. Дурацкая идея

Встал я около восьми. Набрал в колодце воду, наполнил ручной мойник. Поставил на плиту чайник. Зашел к Анне Павловне одолжить кусок сыра и масло.

Когда Алиса появилась в столовой, та была освещена солнечным светом и моей добротой.

– Вы поможете искать кошку? – спросила она.

– К сожалению, я плохо знаю местность.

– Ну, моя кошка ее тоже не знает. Мы только приехали, и она сразу пропала.

– Понятно, – сказал я.

– Так Вы пойдете со мной? – спросила Алиса, глядя на меня большими требовательными глазами.

– Почему бы и нет, – ответил я.

Идея была дурацкая, но делать было нечего. Не яблони же красить.

1.4. Вслед за кошкой

1.4.0. Кролик уходит от ответа

– Доброе утро! – в столовую без стука вошел Кролик. Он радостно улыбался. – А я думаю, куда ты пропал.

Мне стоило бы молча взять ружье и направить его на Кролика. Но ружья у бабушки не было.

Был самурайский меч, привезенный из города. Но его стырил дядя Паша. Пьяница, что жил в канаве на краю деревни и навещал мою сердобольную бабушку, когда прижимало. Он долго и мучительно прощался с белым светом в лице бабушки, просил прощение за грехи, и та, разжалобившись, наливала рюмку самогона. Дядя Паша на подъеме сил делал бабушке предложение руки и сердца и вскапывал картошку, какое бы время года ни было. История всегда заканчивалась одинаково: отыскав бабушкину записку, дядя Паша удирал без оглядки, чтобы в следующий раз просить прощение и за это тоже.

Вот он-то и стырил мой самурайский меч, чтобы обменять на бутылку дурного пойла.

– Иди ты ..., – я заметил округлившиеся глаза Алисы и смолчал.

– Ну что ты, как маленький, шуток не понимаешь? – то ли обиженным, то ли сердитым тоном спросил Кролик.

Он поклонился.

– Барышня.

– Алиса.

– Элис! – воскликнул Кролик. – Какое замечательное имя.

Вечно он коверкал женские имена. Лизу звал не иначе, как Лизетт, а мою бабушку – Антонией, а не Антониной.

– А я вас раньше не видел, – продолжил Кролик. – Вы откуда?

Я подошел к нему, загородив Алису.

– Слушай, Кролик, – прошипел я ему на ухо. – Исчезни, а?

– Хм, – сказал Кролик и, обойдя меня, занял мой табурет напротив девушки. Он хозяйски подлил кипятка в мою кружку, взял кусок хлеба и принялся завтракать.

– Я думал, приду в клуб, открою – обрадуешься. А тебя нет. И не радостный ты какой-то. Вы его выпустили?

Я вышел из дома, не дождавшись продолжения разговора. Алиса за мной не пошла, осталась наедине с Кроликом.

Не зная, чем заняться, я стоял во дворе и озирался по сторонам. Но недолго. Внимание привлекли бревна, что купил у дяди Бори. Я взял в сарае топор, засучил рукава и приступил к колке дров.

Кролик с Алисой не показывались, и я боялся от невнимательности вонзить топор в колено. Когда складывал партию дров в поленницу, сзади подошел Кролик.

– Что там Лизетт? – спросил он. – Сергей сказал, с бабой его застучала.

Я промолчал.

– Знаешь, что такое торговля информацией? – неожиданно спросил Кролик.

– Нет, – сказал я.

Такого ответа Кролик не ожидал. Он немного помялся:

– Ты наверняка знаешь.

– Нет, – повторил я.

– Каши с тобой не сваришь, – сказал Кролик.

Я опять промолчал.

– Не будь ты таким идиотом, все было бы проще.

– Поосторожнее, когда у меня топор.

– А, – отмахнулся Кролик, – ты им не умеешь. Хочешь знать, ты как бельмо на глазу.

Колешь, колешь. Хоть бы спросил у кого, как это делается.

И пошел за калитку. Индюк несчастный.

Я разозлился. Он был прав. Дело не в Кролике, а во мне. Я был бельмом на глазу не только у жителей деревни, я сам себя раздражал неуместностью.

В детстве я приезжал в деревню на каникулы, и тогда мне эта жизнь казалась верхом удовольствия. Дети, жившие здесь круглый год, рады были научить меня основам: каждому из нас необходимо воровать яблоки у соседей; сосиски следует есть сырыми; а упав в яму, нужно верещать, что есть силы – особенно под вечер, когда пойдут искать.

Мы ездили по двое на взрослых велосипедах, рвали и без того рваную одежду и ходили пасти ленивых коров. Кидали камни в проезжающие мимо поезда, надували резиновые лодки и, отправляясь на озеро, рассказывали друг другу страшилки о воронках и утопленниках.

Каждый год Кролик брал меня под свое шефство и не давал в обиду. А я читал по ночам книги, взятые в библиотеке, искал в чемоданах на чердаке дедушкину одежду и писал отцу длинные письма, весточки из ссылки.

Я знал: кончится лето, и поеду в город, а здесь, в деревне, все не по-настоящему. Я был чужим, но чужим ребенком.

Теперь было значительно хуже. Я стал взрослым. Чужак, который не хочет учиться, не перенимает у местных привычки, имеет другие основы жизни. Что со мной делать, кроме как ненавидеть?!

– Мы идем? – спросила Алиса, спускаясь по ступенькам.

– Да, – сказал я. – Найдем кошку, и дело с концом.

Как будто это было так просто.

1.4.1. Поиски кошки

Мы взяли в дорогу бутерброды и несколько бутылок колодезной воды.

Алиса шла позади, я был проводником. Хотя понятия не имел, куда идти. От яркого солнца перед глазами плыли красные пятна.

На первом же повороте я встретил Толика, который, посмотрев по-детски доверчивыми голубыми глазами, сплюнул мне под ноги и отпустил трехэтажное ругательство. За ним шел незнакомый человек. Он тоже не преминул показать силу – тощий кулак с наколками, которым погрозил, слово в слово повторив то, что сказал Толик.

Я не обернулся на Алису, но покраснел до кончиков ушей. Что с ее позиции хорошо было видно.

– Она черная, моя кошка, – только и сказала девушка.

Когда деревня осталась позади, она догнала меня и пошла на близком расстоянии.

– Я думала, она вернется, но дед сказал, «городские кошки – не деревенские, они дуры». Не могла же она в воздухе раствориться, правда? Обязательно где-то есть.

Мы проходили через поле, где недавно пробежал лисенок. Я не стал расстраивать девушку, но на моей памяти лисы часто раздирали котов в деревнях, и если не до смерти, то до бешенства.

– Она умная, – опровергла мои мысли Алиса.

– Умная или трусливая? – усмехнулся я.

– Она смелая. И ласковая, – не заметила моей издевки девушка. – Отправилась на прогулку и заблудилась.

– Животные не любят контроля.

– Да, наверное. Но я ее не контролирую, скорее – наоборот, – Алиса улыбнулась.

– Ну тогда другое дело, – сказал я и немедленно почувствовал себя увальнем.

О чем с ней говорил бы Кролик, как бы себя вел? Уж он бы увлек Алису своей персоной.

К этому моменту она бы отчаянно флиртвала и смеялась, забыв про кошку.

Пустой клуб остался позади.

– Пойдемте этой тропинкой, – сказал я. – Вроде она ведет к Вашей деревне.

– Хорошо. А змеи здесь есть?

– Они на камнях лежат, греются на солнце.

Алиса промолчала, но краем глаза я заметил, что под ноги она стала всматриваться внимательнее.

– Значит, Вы сюда на лето приехали?

Алиса неопределенно пожала плечами.

– Вам здесь нравится? – спросил я.

Она вздохнула.

– А Вам?

– В деревне хотят, чтобы я уехал, – признался я. – Прямо вынуждают это сделать. Как думаете, лучше уехать?

– Смотря, чего Вы сами хотите.

Сказать ей сейчас, чего хочу, было бы, как минимум, бестактно. Я закусил губу.

– Я всю жизнь так живу, – сказала Алиса. – Меня всю жизнь ненавидят.

Она невесело улыбнулась.

– Почему?

– Потому что это цена успеха.

– Какой успех, когда тебя все ненавидят? – спросил я.

– Какой успех, когда тебя любят?... А вообще, как говорил один мой учитель: «Если Вам легко, значит что-то не так делаете!»

– Вы не поверите, но покой мне дороже успеха.

– Вам нравится быть посредственностью?

– Посредственностью?

– Чтобы кем-то стать, нужно стремиться быть лучше всех, – горячо заговорила Алиса. – Нужно постоянно трудиться. Удовольствие от труда ни с чем несравнимо.

– Моя бабушка так говорила, – сказал я. – Кажется, она варила пиво.

Божий одуванчик, маленькая старушка в накрахмаленном кружевном воротничке. Она не только гнала самогон, но и варила пиво.

– О!

– У нее на участке огромное поле, а в подвале хранилось зерно. Похоже, она выращивала пшеницу.

– Может быть, хлеб пекла. Почему сразу пиво?

– Нет, – сказал я. – Деревня славится пивом, а, когда бабушки не стало, оно кончилось.

Вряд ли это совпадение.

– Ну, – сказала Алиса. – Может, это к лучшему? Что кончилось?

Я почувствовал чудесный медовый аромат пива и снова вспомнил дедушку. Вот он стоит рядом со мной, пятилетним, положив руку мне на плечо, понимающе улыбается. И я чувствую, что меня любят, несмотря ни на что.

– Нет, не к лучшему.

Мы помолчали.

– Утром я получил письмо. Отец говорит, за усадьбу много денег предложили.

Высокий Папа, судя по всему, собирался варить пиво, и я ему очень мешал.

– Так в чем проблема? – спросила Алиса. – Ваши желания совпадают с возможностями. Проблема была в Алисе. Она мне нравилась, а я ей – нет.

1.4.2. Дикая роща

Мы шли под палящим солнцем. Я часто прикладывался к бутылке с водой, Алиса молчала. Она побледнела и начала припадать на правую ногу.

Я достал платок, устилавший дно корзины с бутербродами, протянул девушке. Та послушно повязала его на голове. Я предложил опереться на мою руку. Алиса скривила лицо, но предложением воспользовалась.

Прошло чуть больше часа после начала путешествия, но мы уже не видели ему конца.

Кошки Алисы не было и в помине, а мы заблудились.

Я устался в землю и, не поднимая головы, устало перебирал ногами. Девушка, прихрамывая, шла рядом.

– Как чудесно! – выдохнула она.

Я проследил за ее взглядом.

Прямо перед нами, посреди поля, открылся зеленый островок с цветущими деревьями.

– Дикие яблони, – сказала Алиса, и я кивнул.

Деревья были низкие, с шаровидной кроной. Оливково-зеленые ветви были извилисты и усыпаны крупными белыми цветами. Эти цветы пьянили ароматом.

По сравнению с рощей заброшенными и дикими выглядели бы яблони в бабушкином саду.

– Этот сад – чудо природы, – сказала Алиса.

Я с ней не согласился. Стволы не побелены, ветки не обрезаны, земля под яблонями не перекопана и не удобрена. Роща – дело рук человеческих.

Мы вступили под сень деревьев и оказались в приятной прохладе. Алиса сняла с головы платок, а я вытер рукавом пот со лба.

Девушка прикоснулась к коре одного из деревьев и полной грудью вдохнула аромат.

– Обалдеть можно. От этого запаха.

Она закрыла глаза и стояла под яблоней, не двигаясь ни единым мускулом. Замерла. Казалось, даже не дышала.

– Вдруг это зачарованная роща, и мы никогда не выберемся отсюда живыми, – сказала она ровным голосом без тени улыбки. – Так и останемся здесь. Навеки. Превратимся в яблони.

Я усмехнулся, но продолжил фантазировать:

– Или время остановится. Уже остановилось. Придем домой, а там все состарились и умерли.

Алиса перешла от одной яблони к другой и обеими руками притянула к себе одну из веток.

– Все эти яблони – случайно забредшие сюда путники. Пропавшие без вести. И мы пропадем, – она пристально посмотрела мне в глаза.

1.4.3. Чудо

Я присел на корточки рядом с одной из яблонь. А через секунду чуть не умер от ужаса. Сверху мне на колени упал черный мешок. Скидывая его, я вскочил, и он мягко отпрыгнул в сторону.

Алиса радостно вскрикнула, и я скорее почувствовал, чем услышал, как мякнула кошка.

– Дина! Диночка!

«Как же могло быть иначе?!» – подумал я.

Теперь кошка сидела на руках у Алисы, и, не моргая, смотрела на меня.

Осторожно, чтобы девушка не заметила, я перевел дух. Руки дрожали от испуга, сердце бешено колотилось. Но Алиса все внимание переключила на животное.

– Ты ждала меня, моя красавица? – не переставая, гладила она кошку. – Ждала меня, моя лапонька. Думала, все про тебя забыли.

Вместо того, чтобы целовать меня, Алиса одаривала вниманием неблагодарное животное.

– Спасибо, – наконец, обернулась ко мне девушка. – Вы нас спасли.

– Ладно, – сказал я, – провожу Вас до дома. Обоих.

Кошка была бы неотличимой от других черных кошек, и лично я сомневался, та ли это кошка, что мы искали. Однако у Алисы сомнений не было.

– Пойдем, моя красавица, – Алиса крепко прижала кошку к груди.

«К груди», – повторил я про себя и заторопился найти нужную дорогу.

1.4.4. Книги в подвале

От сильного ветра я поежился.

– Вам не холодно? – спросил я, разглядывая ее не по-весеннему легкий сарафан и кофту. – Все-таки не лето.

– Нет, – сказала Алиса.

– Возьмите мою куртку.

– У Вас такой нос синий, – усмехнулась она. – Не надо.

Я нахмурился.

– Смотрите, еще заболаете, – проворчал я.

– Заболею? – рассмеялась она. – Я каждый вечер набираю таз холодной воды... – она запнулась, мельком взглянула на меня и осторожно, медленно подбирая слова, продолжила. – Набираю холодной воды и закаляюсь. Это дедушка научил.

– Понятно, – ответил я. – Но, скорее всего, Вас греет кот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.